

Теоретико-методологические основания изучения символизации социально-политической реальности в трансформирующихся обществах

О.В. СЛАВИНА

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина, E-mail: helga_17@bk.ru

Авторское резюме

В данной статье предпринята попытка сформировать некий методологический фундамент, позволяющий предметно изучить процесс символического конструирования реальности в политических системах, которые находятся в состоянии демократического транзита. С точки зрения автора, подобные транзитные системы отличаются рядом феноменальных особенностей знаково-символического контекста переходного типа, наиболее значительными из которых выступают конфронтация символов нового и старого и формирование общественного беспокойства в силу нарушения устоявшихся значений (значимых символов). Результатом этих процессов становится возникновение условий для повышения потенциала восприятия новых символов (ре-символизация), трансмиграция символических форм, появления спонтанных символических интеракций в обществе в виде политических протестов, митингов, паники. В связи с этим возникает необходимость понимания, каким образом может осуществляться продуктивное управление коллективным сознанием на этапе перехода, чтобы достичь ментальной солидаризации общества с демократическими ценностями. На выполнение этой задачи разрабатывается соответствующий инструментарий, в основу которого легли феноменологическая теория, теория конституирования множественных реальностей А. Шюца, философия символических форм Э. Кассирера, теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, а также семиотическая концепция Ю. Лотмана.

Ключевые слова: символизация, социальное конструирование, реальность, политические трансформации, демократический транзит, политический миф.

Theoretical and methodological bases of studying the symbolization of social and political reality in transit societies

O.V. SLAVINA

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnepropetrovsk, Ukraine, E-mail: helga_17@bk.ru

Abstract

This article is an attempt to form a methodological foundation to explore the process of symbolic construction of reality in the political systems in a state of democratic transition. From the author's point of view, such transit systems differ with the phenomenal features of transitional type of sign-symbolic context. There are the most significant of them: the confrontation of symbols of old and new, and the formation of public anxiety due to violation of the established values (significant symbols). The result of these processes is the emergence of the conditions for increasing capacity of perception of new symbols (re-symbolization), transmigration of symbolic forms, the appearance of spontaneous symbolic interactions in the community in the form of political protests, rallies, and panic. In this regard, it is necessary to understand the possibilities of the productive management of the collective consciousness in transit period to achieve mental solidarity of concrete society with democratic values. To perform this task, author develops the appropriate tools, which are based on the phenomenological theory, the Schutz's theory of the constitution of the multiple realities, the philosophy of symbolic forms of E. Cassirer, the theory of social construction of P. Berger and T. Luckmann, as well as Lotman's semiotic concept. It is concluded that in the collision of alternative symbolic projects of social order it is advisable to resort to controlled symbolization (the production of special symbolic codes of political legitimation). At the same time it is important to understand the mechanisms of auto-symbolization of the society (changing of mass consciousness by virtue of the progressive development of the political culture of people). Careless use of these technologies in the countries with non-consolidated democracy may become a factor of destabilization and formation of the conditions for authoritarian rollback.

Keywords: symbolization, social construction of reality, political transformation, democratic transition, political myth.

Постановка проблемы. Рассматривая вопрос символизации социально-политической реальности, мы, в первую очередь, имеем в виду формирование такого смыслового поля, которое было бы адекватным современным условиям исторического развития того или иного общества. Для политических систем, которые находятся на этапе незавершенных демократи-

ческих преобразований, эта проблема носит в высшей степени осязаемый характер. Транзитные системы представляют интерес для изучения именно в аспекте знаково-символического конструирования реальности, поскольку обладают характеристиками, несвойственными ни странам с консолидированной демократией, ни системам авторитарного типа. Речь идет о та-

ких социально-политических феноменах как пересимволизация, конфронтация символов нового и старого, транс-миграция символических форм, формирование новой политической реальности. В этом ключе политическая наука оказывается неспособной предложить рабочий методологический аппарат для исследования очерченной теоретико-прикладной проблемы. Именно поэтому автор данной статьи берет на себя труд предложить таковой инструментарий.

Анализ исследований и публикаций. В научном дискурсе проблема «символического» рассматривается в различных аспектах: как культурологический принцип построения реальности (Э. Кассирер, А. Лосев, А. Уайтхед); как автономное основание общественного развития (С. Лангер); как внеисторический феномен психики (З. Фрейд); как инструмент управления массовым обществом (Г. Лебон, Э. Канетти); как причина дегармонизации действительности (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр); как сущностная характеристика социально-политической коммуникации (Т. Кун, Дж. Мид, Г. Блумер). Среди исследований, которые представляют интерес в ракурсе заявленной темы данной работы, можно выделить: работы П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструировании реальности, в которых детерминируется символическая природа политики; рассуждения В. Ядова о символических солидарностях в условиях быстрых социальных перемен; философский подход противопоставления реальности политическому мифу (М. Элиаде, Н. Рулан); труды П. Бурдьё о символическом измерении социально-политического пространства, а также символической природе власти и легитимного насилия. Однако специальных политологических разработок, посвященных теоретическим и практическим вопросам символизации политического поля в транзитных обществах, чрезвычайно мало. Как правило, они освещают лишь фрагменты очерченной проблематики. Остается нераскрытым ряд аспектов, в частности: объяснение причинно-следственных связей между политическими трансформациями и ре-символизацией пространства; визуализация механизма управляемой символизации в условиях демократического перехода; выявление условий эффективности символического конструирования реальности со стороны власти для легитимации демократического порядка; обоснование лимитов технологического вмешательства в формирование массового сознания символическими средствами и т.д.

Цель исследования. В связи с вышеизложенным, автор видит свою цель в том, чтобы на основании синергетического подхода предложить комплексный методологический инструмент для исследования символического ре-дизайна реальности в обществах, которые

находятся в системе координат трансформирующегося политического пространства и времени.

Изложение основного материала. При рассмотрении процессов символизации с необходимой долей теоретического внимания следует в субстанциональном измерении является неким абстрактным миром, в котором собственно имеют место процессы символического интеракционизма. Речь идет о категоризировании феномена «реальности» с точки зрения феноменологии и позиций конструктивизма.

Так, А. Шюц отмечал, что интерсубъективность символических отношений берет свое начало в мире повседневного опыта и им определяется. Следуя логике Э. Кассирера, позволим себе утверждать, что этот мир, или «верховная реальность» (в терминологии У. Джеймса [10]) по отношению к другим трансценденциям, представляет собой некое социокультурное пространство, в котором человек действует как существо символическое – «animal symbolicum» [9, с. 25-26]. Согласно приведенной дефиниции, символизация берет свое начало в человеческом мышлении, при этом именно активность сознания выступает центральным механизмом продуцирования символических форм, в которые облекается переживаемый мышлением мир. Здесь приоритетным средством коммуникации выступают знаки и символические аппрезентации, которые не только несут объективированные смыслы, но и позволяют схватывать более замкнутые по отношению к «верховой реальности» субуниверсумы, границы которых определяются социальным миром и природой. Эти множественные субуниверсумы, которые А. Шюц маркирует как «замкнутые области значений», к числу которых, кстати говоря, в частном порядке относится и мир политики, имеют специфический когнитивный стиль и конституируются за счет особой манеры наших переживаний. Внутри замкнутой области значений индивид в состоянии не только испытывать переживания, но и транслировать их посредством символов. Таким образом, символизация оказывается тем механизмом, посредством которого устанавливается интерсубъективная связь различных трансцендентных множественных реальностей. Иными словами, согласно Ясперсовой формуле «символ устанавливает общение без коммуникации» [11, с. 24-25]. Символ в данном случае представляет в виде «темноты трансценденции», поскольку постигающий его в необходимости должен обладать шифром, то есть конкретным экзистенциальным ключом, для проникновения в суть символа. Учитывая данное обстоятельство, именно здесь мы и обнаруживаем зависимость аппрезентационного символического отношения от социальной среды.

По сути, индивидуумы действуют в мире, который пред-символизирован до них и кон-

ституирован историческим социокультурным процессом, обеспечившим существующую конфигурацию среды. Это означает, что наибольшая часть индивидуального опыта, в том числе и соответствующие системы аппрезентационных отношений, имеет социальное происхождение: «Если аппрезентационное отношение социально признано, тогда аппрезентированный объект, факт или событие принимаются без вопросов в своей типичности как элемент само собой разумеющегося мира» [13, с. 288]. Именно так и формируется социальный запас знания с системами общественно принятых релевантных типизаций, будь-то знаки, индикации, символы или другие аппрезентационные формы, которые служат действующему субъекту посредством процесса интерпретации того, что располагается за рамками его жизненного мира. Данный вывод в нужном русле иллюстрирует аспект интеграции замкнутой области значений, например политической реальности, в жизненный мир индивида. С другой стороны, если мы обратимся к аргументации Э. Фьогелина [14], можем констатировать, что символизация выступает тем сущностным механизмом само-освещения общества, который позволяет индивидам переживать и воспринимать общество как часть своего человеческого существования. Последнее утверждение в свою очередь позволяет нам вести речь о технологическом потенциале использования управляемой символизации для реификации и легитимации политических трансформаций в обществе (что, к сожалению, не является предметом данной статьи).

Вернемся к концептуальным формулам. Один из последователей социальной феноменологии А. Шюца – М. Натансон – заметил следующее: «Социальный мир как объективно осмысленный мир предшествует своему конструированию индивидами; но без этого конструирования обыденная (commonsense) реальность существовать не может» [12, с. 66]. Общество оказывается зависимым от наличия устойчивых когнитивных образов и смыслов, так называемых социальных эйдосов. Данные метасемиотические компоненты, которые выступают средствами интерпретации объективных, субъективных и интерсубъективных феноменов, формируют символический универсум, особый мир значений. По версии П. Бергера и Т. Лукмана, изложенной ими в работе «Социальное конструирование реальности», символический универсум представляет собой матрицу «всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [1, с. 158]. Иными словами, интерсубъективный повседневный мир творится посредством объективации субъективных смыслов (то есть через различные системы обозначений), одним из основных механизмов которой выступает сигнификация – «осознание человеком знаков» [1,

с. 62]. «Символические универсумы осуществляют исчерпывающую интеграцию всех разрозненных институциональных процессов. Все общество приобретает теперь смысл. Отдельные институты и роли легитимируются благодаря их включению во всеобъемлющий смысловой мир» [1, с. 169]. Таким образом, посредством символизации (конструирования реальности в символических формах) решается проблема познаваемости мира в его изменчивости.

При этом следует заметить, что сама символическая система органично подвергается трансформациям в силу того неопровержимого замечания, что социальная реальность не самоожесточенна, а есть совокупность наших представлений о ней. В процессе общественных изменений, которые затрагивают социальные институты, воспроизводящие символическую картину мира, происходит кризис привычных типизаций, конституирующих упорядоченность повседневной жизни. Содержание и форма смысловых зон и семантических полей в необходимой мере должны быть преобразованы, чтобы избежать ситуации утраты социальной реальности. Данное обстоятельство В. Цыганков описал как «закон развития знаковости социальной реальности» [7], который постулирует изменчивость символической структуры мира повседневных практик. Исходя из вышеизложенного, мы можем классифицировать политические трансформации как ротацию символических матриц, а собственно демократические преобразования – как процессуальный континуум, актуализирующий институционализацию таких идеологических форм и выработку таких установок массового политического сознания, на основании которых общество готово солидаризироваться с демократическими институтами политической системы.

Если мы обратимся к семиотическому концепту культуры, в частности интерпретативной антропологии К. Гирца, который выдвинул идею культурного моделирования с помощью манипуляции знаковым системным контекстом [5], то можем констатировать, что определенная моделирующая программа (например, политический миф) может не только выступать символической репрезентацией реальности, но и одновременно задавать ее конституцию. Иными словами, транзитивные символические проекции являются отражением изменяющейся социально-политической реальности, при том, что верно и обратное, когда целенаправленное конструирование символического субуниверсума становится фактором формирования новой социальной реальности. В этом контексте уместно говорить о том, что в политических системах, находящихся на этапе демократического перехода, присутствует некая конгломеративная символизация, когда в знаково-символической сфере массового сознания присутствует сеть продуктов семиозиса, кото-

рые вырабатываются самим обществом в силу прогрессивного развития его политической культуры, - самосимволизация и интерпретативные схемы организации социальной реальности, которые предлагаются демократическим правительством и призваны гарантировать воспроизводство нового социально-политического порядка, - управляемая символизация.

В таких условиях может возникать ситуация столкновения альтернативных символических проектов социального устройства. Данный вывод органично вытекает из утверждения Ю. Лотмана о структурной неоднородности семиотического пространства, где наличествуют ядерные конструируемые и периферийные участки [6]. На этапе социально-политических трансформаций происходит разрушение единого иерархизированного семиотического поля и изменение набора базовых символов, когда бывший центр становится периферией. Данное оппозиционирование оказывается возможным в силу того, что только один из символических проектов может быть доминантным и удовлетворить тяготение системы к стабильности. Данный вывод может быть подкреплён онтологическим «законом иерархии знаковости социальной реальности», который отражает невозможность одновременной реализации разнообразных символических моделей общественного бытия. В. Цыганков утверждает, что залогом успешной социальной практики является выбор и реализация какой-то определенной знаковой программы путем «приведения социальной реальности к единому знаковому знаменателю» [7]. В этом аспекте управляемая символизация (продуцирование особых символических кодов политической легитимации) становится тем инструментом, от которого зависит направленность и эффективность институциональных перемен; а символическая власть (в понимании П. Бурдьё) – политическим агентом конструирования реальности, который в силу своего символического капитала в состоянии навязывать определенную картину мира.

Трансляция же избранной символической модели происходит при посредничестве средств массовой коммуникации. Причем, согласно теории политической коммуникации А. Соловьева, данная задача реализуется в виде однонаправленной передачи информации – релевантного для воспринимающего коллективного субъекта «смыслонесущего символического послания». Коммуникация моделируется семиотически с помощью языка, другими словами, совершается языковое конструирование портретов мира. Таким образом, предлагается некая поисковая логика (в виде стереотипов, метафор, политических мифов и т.д.), которая

позволяет обществу и отдельному индивиду ориентироваться в условиях отсутствия полноты исходных данных. В процессе виртуализации реальности и коллажирования восприятия формируется «гиперреальность» – пространство ирреферентных образов, мир моделей и симулякров. Это означает, что символические модели становятся предшествующими реальным событиям. Данный эффект был назван Ж. Бодрийаром «прецессией симулякров», которая выступает основным механизмом замещения реального гиперреальным. В этом аспекте для изучения политической символизации для нас имеет важное методологическое значение постулат Ж. Бодрийара о регулируемости гиперреального пространства генетическим (или бинарным) кодом. По словам ученого, на стадии симуляции находит свое завершение процесс, «когда один за другим умерли Бог, Человек, Прогресс, сама История, уступив место коду, когда умерла трансцендентность, уступив место имманентности, соответствующей значительно более высокой стадии ошеломляющего манипулирования общественными отношениями» [2, с. 130]. В этом контексте средства массовой коммуникации («медиум» в терминологии Ж. Бодрийара) выступают наиболее масштабным инструментом, способным затронуть любые сферы повседневного опыта, в том числе и политическую. Для стран неконсолидированной демократии данное обстоятельство представляет особую угрозу, так как может выступать весомым фактором дестабилизации обстановки и формирования условий для авторитарного отката.

Выводы. Социально-политическая среда как один из множественных субуниверсумов реальности повседневной жизни выступает сферой реализации символического опыта и интерсубъективного символического обмена. Это позволяет нам опираться на теоретико-методологический базис социальной феноменологии для анализа процесса символизации политической реальности. Вместе с тем, обнаруживая конститутивный потенциал символа, в необходимости стоит обратиться и к наработкам социального конструктивизма. Помещая рассмотрение вопроса политической символизации в контекст изучения конструирования реальности демократизирующихся обществ, мы прибегли к заимствованию методологического инструментария семиотической теории культуры. Таким образом, сформировалась возможность выработать некий синтетический теоретико-методологический конструкт, позволяющий обнаружить уникальность морфологии и функциональной спецификации символизации политической реальности в трансформирующихся обществах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – С. 130.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрийяр; Пер. с фр. О. А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
4. Бурдьё П. Социология политики [Текст] / П. Бурдьё; Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской. – М.: Socio-Logos, 1993. – 335 с.
5. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры [Текст] / К. Гирц // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 185-186.
6. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры [Текст] / Ю.М. Лотман, Б.А.Успенский // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1971. – Вып. 284. – С. 147.
7. Цыганков В.В. Теоретико-методологические основы исследования знаковости социальной реальности [Текст] / В.В. Цыганков // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2009. – № 29. – С. 144-147.
8. Berger P. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Consciousness [Text] / P. Berger, T. Luckmann. – Garden City; N. Y.: Doubleday, 1967. – 219 p.
9. Cassirer E. An Essay of Man. An Introduction to a Philosophy of Human Nature [Text] / E. Cassirer. – New Heaven; London: Yale University Press, 1962. – 250 p.
10. James W. The Principles of Psychology [Text] / W. James. – N. Y.: Henry Holt, 1950. – Vols. I-II
11. Jaspers K. Philosophie III. Metaphysik [Text] / K. Jaspers. – Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer, 1973. – 276 p.
12. Natanson M. Anonymity: A Study In The Philosophy of Alfred Schutz [Text] / M. Natanson. – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – P. 66.
13. Schutz A. The Structures of the Life-World [Text] / A. Schutz, T. Luckmann. – Evanston: Northwestern University Press, 1989. – Vol. II. – 339 p.
14. Voegelin E. The New Science of Politics. An Introduction [Text] / E. Voegelin. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 210 p.